

ЛАЙЛА ЛАЛАМИ

Мемуары
мавра

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л120

Laila Lalami
THE MOOR'S ACCOUNT
Copyright © Laila Lalami, 2014
All rights reserved

Настоящее издание выходит с разрешения *Trident Media Group, LLC*
и *The Van Lear Agency LLC*

Перевод с английского Павла Смирнова
Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

В оформлении обложки использован фрагмент картины
Томаса Сомерскейлса «Морское сражение при Икике»

Лалами Л.

Л20 Мемуары мавра : роман / Лайла Лалами ; пер.
с англ. П. Смирнова. — М. : Иностранка, Издательство
АЗБУКА, 2026. — 464 с. — (Терра инкогнита).

ISBN 978-5-389-28459-3

В 1527 году конкистадор Панфило де Нарваэс отплыл из испанского порта, чтобы заявить права испанской короны на земли побережья Мексиканского залива и обрести богатство и славу, подобные тем, что снискал Эрнан Кортес; на борту его корабля было шестьсот человек и почти сотня лошадей. Но с момента высадки экспедиции Нарваэса во Флориде ее преследовали неудачи — навигационные ошибки, болезни, голод, сопротивление коренных племен... Уже через год в живых остались лишь четверо: казначей экспедиции Кабеса-де-Вака, идальго Алонсо дель Кастильо, Андрес Дорантес и его марокканский раб Мустафа аль-Замори, или Эстебанико, как его прозвали испанцы. Четверым незадачливым завоевателям предстоит долгое путешествие по Америке, которое превратит гордых конкистадоров в смиренных слуг, а потом в запуганных беглецов и целителей-проповедников.

Вымышленные воспоминания марокканского раба, чей расказ не вошел в анналы истории, воскрешают удивительные страницы покорения Америки.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© П. А. Смирнов, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-28459-3

Пролог

Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. Хвала Аллаху, Господу Миров, молитвы и благословения пророку нашему Мухаммеду и всем потомкам и сподвижникам его. Эта книга — скромный труд Мустафы ибн-Мухаммада ибн-Абдуссалама аль-Замори, содержащий подлинные записки о его жизни и путешествиях из города Аземмур в Страну индейцев, куда он попал рабом и где в попытке обрести свободу потерпел кораблекрушение и провел многие годы.

Поскольку я трудился над этой рукописью спустя долгое время после описываемых событий, мне приходилось полагаться лишь на собственную память. Поэтому возможно, что приведенные мной расстояния перепутаны или даты указаны неточно, но это незначительные ошибки, которых всегда можно ожидать в подобных случаях. Во всех остальных отношениях ручаюсь: события описаны так, как я видел их собственными глазами, включая те, которые ввиду их редкости могут показаться читателю недостоверными.

Я намерен уточнить подробности повествования, составленного моими спутниками, тремя кастильскими идалго: Андресом Дорантесом де Каррансой, Алонсо дель Кастильо-Мальдонадо и в особенности Альваром Нуньесом Кабеса-де-Вакой, которые изложили свои показания в совместном докладе Королевскому суду Санто-Доминго. Первый являлся моим законным владельцем, второй — таким же пленником, как и я, а тре-

тий — моим соперником-рассказчиком. Но, в отличие от них, меня так и не вызвали свидетельствовать перед испанским вице-королем о нашем путешествии среди индейцев.

Я считаю троих упомянутых кастильских идальго людьми добропорядочными, однако полагаю, что под давлением епископа, вице-короля и маркиза дель Валье¹, а также ввиду своего положения они были вынуждены опустить определенные события, преувеличить значимость других, и умолчать о некоторых подробностях, придумав другие, в то время как я, ничем не обязанный вельможам Кастилии и не связанный правилами общества, к которому не принадлежу, обладаю свободой рассказать подлинную историю событий, в которых довелось участвовать мне и моим спутникам.

В конечном итоге каждый из нас, черный или белый, хозяин или раб, богач или бедняк, мужчина или женщина желает одного: чтобы о нас помнили после смерти. В этом я не отличаюсь от прочих. Я желаю пережить вечную тьму, что меня ожидает. Если мне улыбнется удача и эти записки попадут к подходящему писцу, который сочтет нужным переписать их без каких-либо украшательств, за исключением каллиграфии или цветных иллюстраций на турецкий или персидский манер, то, быть может, однажды, если на то будет воля Аллаха, соотечественники узнают о моих удивительных приключениях и извлекут из них то, что подобает извлечь мудрому человеку: истину под маской развлечения.

¹ Маркиз дель Валье де Оахака — наследственный титул, который с 1529-го по 1547 год (то есть во времена описываемых событий) носил конкистадор Эрнан Кортес. — *Здесь и далее прим. перев.*

1

Рассказ о Флориде

Шел 934 год Хиджры¹, тридцатый год моей жизни и пятый год моей неволи, и я находился на краю известного мира. Я шагал за сеньором Дорантесом по покрытой буйной растительностью земле, которую он и другие кастильцы называли Флоридой. Не знаю точно, как называет ее мой народ. Когда я покидал Аземмур, вести об этой земле нечасто привлекали внимание наших городских глашатаев. Вместо этого они говорили о голоде, о недавнем землетрясении или о восстаниях на юге Барбарии². Но предполагаю, что, придерживаясь наших традиций именованья, мой народ называл бы ее просто «Страна индейцев». У индейцев тоже должно было быть название для этой страны, но ни сеньору Дорантесу, ни кому-либо еще в экспедиции оно не было известно.

Сеньор Дорантес говорил, что Флорида — большой остров, больше самой Кастилии, и тянется от берега, на котором мы высадились, до самого Тихого моря: от одного океана до другого. Он говорил, что всей этой землей теперь будет править Панфило де Нарваэс, командующий нашей эскадры. Мне казалось маловеро-

¹ 1528 год от Р. Х.

² Территория Северной Африки, охватывавшая Алжир, Тунис, Марокко и Триполитанию. Название Берберия закрепилось за этими землями только в XIX веке.

ятым или по крайней мере странным, что испанский король мог доверить одному из своих подданных править территорией бóльшей, чем его собственная, но, разумеется, я держал это мнение при себе.

Мы шли на север, к королевству апалачей. Сеньор Нарваэс узнал о нем от индейцев, захваченных им после прибытия эскадры к берегам Флориды. Хотя я и оказался здесь против своей воли, но момент высадки встретил с большим облегчением, потому что путь через море Тьмы¹ был омрачен разными трудностями, ожидаемыми в таком путешествии: сухари зачерствели, вода протухла, а в галюнах было грязно. Теснота кают сильно раздражала экипажи и пассажиров, и почти ежедневно вспыхивали ссоры. Но хуже всего был запах — стойкая вонь немытых человеческих тел, смешанная с дымом от жаровен и легким душком конского навоза и куриного помета из загонов, хоть их и чистили каждый день. Это зловоние преследовало людей, стоило им хоть шаг ступить на нижнюю палубу.

А еще было любопытно увидеть эту землю, потому что мне доводилось слышать или, вернее, подслушивать из разговоров моего хозяина с друзьями множество рассказов об индейцах. По их словам, кожа у индейцев красная, а глаза лишены век. Они — язычники, приносящие человеческие жертвы и поклоняющиеся зловещего вида богам. Они пьют таинственные зелья, которые дают им видения. Они ходят в первобытном виде, даже женщины, — в это было так трудно поверить, что такое предположение я сразу же счел вымыслом. И все же меня пленили эти рассказы, а эта земля

¹ Одно из средневековых арабских названий Атлантического океана.

стала не только целью путешествия, но и будоражащим фантазию местом, краем, который мог существовать лишь в воображении странствующих сказителей с городских базаров Барбарии. Именно так и действует путешествие через море Тьмы, даже если ты никогда и не думал его совершать: ты медленно, но бесповоротно заражаешься чужим честолюбием.

В самой высадке участвовала лишь небольшая группа офицеров и солдат с каждого корабля. Сеньор Дорантес, будучи капитаном «Милости Божьей», отобрал два десятка человек, которых доставила на берег одна из корабельных шлюпок; среди них оказался и этот слуга Аллаха, Мустафа ибн-Мухаммад. Мой хозяин стоял на носу суденышка, положив одну руку на бедро, а другую — на эфес шпаги. Его осанка показалась мне таким совершенным выражением стремления заявить свои права на сокровища нового мира, будто он позировал для невидимого скульптора.

Стояло прекрасное весеннее утро. Небо было безразлично-голубым, а вода — прозрачной. От пляжа мы медленно двинулись в сторону рыбацкой деревушки, которую один из матросов разглядел с высоты фок-мачты. Она находилась на расстоянии арбалетного выстрела от берега. Первое впечатление произвела на меня стоявшая вокруг нас тишина. Нет, тишина — не совсем верное слово. В конце концов, шумели волны и слабый ветер шелестел листьями пальм. Вдоль тропы бродили любопытные чайки, разглядывавшие нас и срывавшиеся с места, хлопая крыльями. Но я ощущал отсутствие чего-то очень важного.

Деревушка состояла из дюжины хижин, построенных из жердей, крытых пальмовыми листьями. Они располагались широким кругом, и между каждой парой

хижин оставалось достаточно места для приготовления и хранения пищи. В кострищах, которыми был усеян периметр вырубки, лежали свежие дрова, а с шести свисали три освежеванных оленьих туши, с которых на землю еще стекала кровь. Но деревня была пуста. Тем не менее губернатор приказал все обыскать. В хижинах нашлись приспособления для приготовления пищи и уборки, шкуры и меха, вяленая рыба и мясо, а еще в больших количествах семена подсолнуха, орехи и фрукты. Солдаты забирали все, что могли унести. Каждый жадно хватал подвернувшуюся под руку добычу и тут же обменивал на то, что ему было нужно. Я не взял ничего, и мне нечем было обмениваться, но испытывал стыд, потому что невольно стал свидетелем воровства и не мог помешать вора, стал их сообщником.

Стоя рядом с хозяином у входа в одну из хижин, я обратил внимание на сваленные грудой рыбацкие сети. Именно поднимая одну из них, я и заметил странный маленький камешек. Сначала я подумал, что это грузило, но у сетей были гладкие каменные якоря, совсем не похожие на этот желтый камень с грубой поверхностью. Тогда я решил, что это может быть детская игрушка, потому что он походил на шарик для игры или мог бы уместиться в погремушке. Возможно, его забыли на рыболовных сетях по ошибке. Я поднес его к свету, чтобы разглядеть получше, и это заметил сеньор Дорантес.

— Эстебанико, — сказал хозяин. — Что ты нашел?

Эстебанико — это имя, которое дали мне кастильцы, когда купили у португальских торговцев. Цепочка звуков, чужеродность которых продолжала резать мне слух. Оказавшись в рабстве, я был вынужден отказаться не только от свободы, но и от имени, данного мне матерью и отцом. Имя бесценно. Оно содержит в себе

язык, историю, обычаи, особый взгляд на мир. Потерять его — значит потерять связь со всем этим. Поэтому я никак не мог избавиться от ощущения, что этот Эстебанико, придуманный кастильцами, значительно отличался от человека, которым я был на самом деле.

Хозяин выхватил камешек из моей руки.

— Что это? — спросил он.

— Ничего, сеньор.

— Ничего?

— Просто камень.

— Посмотрим.

Сеньор Дорантес поцарапал камешек ногтем, и под слоем грязи проступил более яркий желтый цвет. Он был очень любознателен, мой хозяин, и вечно расспрашивал обо всем. Наверное, поэтому он и решил оставить покой своего имения в Бехар-дель-Кастаньяр и искать удачи в неизведанных землях. Его желание получше узнать новый мир не раздражало меня, но я завидовал тому, как он рассказывал о своем городе, — в его голосе всегда слышалось ожидание триумфального возвращения.

— Ничего, — повторяю я.

— Я в этом не так уверен.

— Должно быть, это пирит.

— А может быть, и золото.

Он повертел камушек в пальцах, не зная, что с ним делать. Потом, вдруг приняв решение, бросился к сеньору Нарваэсу, стоявшему на площади посреди деревни в ожидании, пока его люди закончат поиски.

— Дон Панфило! — крикнул мой хозяин. — Дон Панфило!

Я должен описать вам нашего губернатора. Самая выдающаяся особенность его лица — черная повязка

на правом глазу. Она придает ему грозный вид, но, на мой взгляд, впалые щеки и маленький подбородок не слишком хорошо соответствуют этому образу. Обычно он носит стальной шлем, украшенный страусовыми перьями, даже если в этом нет никакой нужды. Поверх нагрудника от плеча к бедру тянется голубая перевязь, завязанная бантом на бедре. Он производит впечатление человека, прилагающего огромные усилия, чтобы поддерживать внешний вид, но при этом способен на такую же грубость, что и самый последний солдат. Однажды я видел, как он заткнул пальцем одну ноздрю и дал несколько залпов другой, не переставая обсуждать с одним из капитанов корабельные запасы.

Сеньор Нарваэс схватил камешек жадными пальцами. Он тоже посмотрел на камешек, подняв его к свету, поцарапал его.

— Это золото, — торжественно объявил он.

Камешек лежал в его ладони, словно подношение. Когда он заговорил снова, в голосе его послышалась хрипотца.

— Отлично, капитан Дорантес. Отлично.

Взволнованные офицеры собрались вокруг губернатора, а один из солдат побежал к берегу, чтобы рассказать остальным о золоте. Я стоял позади сеньора Дорантеса, укрытый от солнца его тенью, и, хоть мне и не было видно его лица, знал, что он преисполнен гордости. Меня продали ему годом ранее в Севилье, и с тех пор я научился читать его: определять, рад он или только удовлетворен, зол или лишь слегка раздражен, встревожен или только слегка озадачен — понимать все оттенки его чувств, способные повлиять на действия по отношению ко мне. Сейчас, например, он был доволен моим открытием, но тщеславие не позво-

ляло ему сказать, что это я нашел золото. Я пока должен был молчать, оставаться незаметным и позволить ему одному купаться в лучах славы.

Спустя мгновения губернатор приказал высаживаться остальной эскадре. Ушло три дня на то, чтобы перевезти на белый песчаный пляж всех людей, лошадей и припасы. По мере того как прибывает все больше людей, они начинают каким-то образом объединяться в группы знакомцев среди людей, наиболее близких им по положению: губернатора обычно окружали капитаны в доспехах и шлемах с перьями, викарий общался с четверкой монахов в совершенно одинаковых коричневых одеяниях, всадники держались рядом с другими солдатами, вооруженными каждый своим оружием — мушкетом, аркебузой, арбалетом, шпагой, пикой со стальным наконечником, кинжалом или даже мясницким топором. Приехали и поселенцы: плотники, кузнецы, сапожники, пекари, землепашцы, торговцы и многие другие, чей род занятий я так и не определил или быстро забыл. Были среди них и десять женщин и тринадцать детей. Они толпились вокруг своих деревянных сундуков. Но с полсотни рабов, включая и этого слугу Аллаха, Мустафу ибн-Мухаммада, рассеялись по всему пляжу, и каждый находился рядом со своим хозяином, таскал багаж или присматривал за его имуществом.

К тому времени, когда все собрались на пляже, уже давно минул полдень третьего дня и наступил отлив. Волны были слабые, и темная полоска вдоль берега обнажилась. Стало прохладнее, и теперь песок холодил и лип к ногам. Высоко в небе собрались облака, превращая солнце в еле видный вдалеке шар. С океана наступал густой туман, постепенно смывавший крас-

ки с окружавшего нас мира и придававший ему разнообразные оттенки белого и серого. Было очень тихо.

Вперед выступил нотариус эскадры, коренастый человек с совиными глазами, которого звали Херонимо де Альбанис. Встав лицом к сеньору Нарваэсу, он развернул свиток и начал монотонно читать: «Именем Короля и Королевы мы настоящим объявляем, что эти земли принадлежат Господу нашему, живому и вечному. Господь назначил одного человека, именуемого святым Петром, наместником над всеми людьми в этом мире, где бы они ни жили и к какому бы закону, учению или верованию они ни относились. Наследником святого Петра в этом качестве является наш святой отец, Папа Римский, который даровал эту часть суши Королю и Королеве. Исходя из этого, мы просим признать Церковь правителем данного мира, а священнослужителя, именуемого Папой Римским, а также Короля и Королеву властелинами этих земель».

Сеньор Альбанис умолк и, не спрашивая разрешения и не извиняясь, глотнул воды из фляги, висевшей у него на плече.

Я наблюдал за лицом губернатора. Похоже, задержка его раздражала, но он сдерживался и не говорил ничего, потому что это лишь затянуло бы церемонию. А может быть, не хотел расстраивать нотариуса. В конце концов, без нотариусов и писарей никто так и не узнал бы о деяниях губернаторов. Требовалась хотя бы малая толика терпения и уважения.

Сеньор Альбанис неспешно утер рот тыльной стороной ладони и продолжил речь: «Если вы подчинитесь, то будете процветать, и мы примем вас с любовью и милостью. Но если откажетесь повиноваться или станете умышленно тянуть время, сообщаем вам, что мы

будем вести против вас войну всеми доступными нам средствами и отнимем жен и детей ваших, и обратим их в рабство, и отнимем ваши товары, и причиним вам всякие бедствия и убытки, на какие мы только способны. А если такое случится, мы заявляем, что вина за смерти и ущерб будет лежать на вас, а не на Их Величествах или присутствующих здесь кавалерах. Теперь, когда вы услышали все сказанное, мы просим нотариуса оформить в письменном виде, а остальных присутствующих — засвидетельствовать данное Требование».

Пока сеньор Альбанис не перешел к посулам и угрозам, я и не знал, что эта речь была адресована индейцам. Также моему пониманию было недоступно, зачем произносить ее здесь, на пляже, если предполагаемые слушатели уже бежали из деревни. Помню, я размышлял в тот момент о том, насколько странные обычаи в Кастилии: просто произнеся что-то, они верили, что это действительно так. Теперь я понимаю, что эти завоеватели, как и многие другие до них и, несомненно, после, произносили речи не для того, чтобы озвучить истину, а для того, чтобы ее создать.

Наконец сеньор Альбанис замолк. Он протянул свиток и ждал, опустив голову, пока сеньор Нарваэс поставит свою подпись на реквизиции. Повернувшись к толпе, губернатор объявил, что отныне эта деревня именуется Портильо. Капитаны склонили головы, а солдаты подняли знамя — зеленое полотнище с красным щитом в центре. Я вспомнил другой момент, за много лет до этого, когда флаг короля Португалии взвился над крепостной башней в Аземмуре. Я тогда был маленьким мальчиком, но до сих пор чувствовал унижение после этого дня, ибо он изменил судьбу моей семьи, разрушил наши жизни и лишил меня дома. Теперь, на другом кон-

це мира, действие повторилось на иной сцене и с другими людьми. И я не мог не ощутить ужас от того, чему еще только предстояло произойти.

Страхи мои подтвердились уже на следующее утро, когда мы услышали какой-то шум из-за деревенского амбара. Сеньор Дорантес распорядился подстричься, и я как раз начал подравнивать его густые пшеничного цвета волосы. Борода у него тоже отросла, но он не просил меня ее сбрить. Возможно, он считал, что нет нужды заботиться о внешности здесь, на самой окраине империи. Или он отпустил бороду просто потому, что мог, тогда как у индейцев, по слухам, бороды не росли. Признаюсь, о причинах я его не расспрашивал. Лишь испытал облегчение оттого, что одним повседневным делом стало меньше. Но когда мы услышали крики солдат, сеньор Дорантес тут же вскочил и как был, с белой льняной тряпичей, повязанной вокруг шеи, бросился через площадь, чтобы узнать, что случилось. Я последовал за ним, не выпуская из рук севильских ножниц. Солдаты, как оказалось, нашли индейцев, прятавшихся в кустах, и захватили четверых.

Все четверо были мужчины. Все четверо были наги. Я уже видел индейцев раньше, на Кубе и Эспаньоле, где эскадра останавливалась, чтобы закупить припасы, но никогда так близко. Я не привык видеть людей, расхаживающих в первобытном состоянии, не стыдясь своих тел, поэтому первым моим побуждением было просто уставиться на них. Они были высокие и широкоплечие, а кожа имела цвет, какой имеет земля после дождя. Волосы у них были блестящие и длинные, а на правых руках и левых ногах виднелись татуировки незнакомых мне форм. У одного из них был ленивый глаз, точь-

в-точь как у моего дяди Омара, и он моргал, чтобы сосредоточить взгляд на своих пленителях. Другой оглядывал деревню, примечая все, что изменилось после нашего появления: возле святилища был установлен большой крест, на шесте посреди площади развевался губернаторский штандарт, а по периметру у новеньких коновязей стояли лошади. Наслушавшись рассказов об индейцах, я ожидал увидеть что-то невероятное — может быть, даже огнедышащих джиннов. Однако эти люди показались мне безобидными, особенно рядом с кастильскими солдатами. Но их все равно связали и доставили к сеньору Нарваэсу.

Губернатор достал из кармана найденный мною золотой камешек. Протянув его на ладони, он начал спрашивать индейцев:

— Где вы нашли это золото?

Пленники смотрели на него равнодушно, но двое что-то ответили на своем родном языке. Я пока не мог определить закономерности в потоке звуков, который сорвался с их губ: где заканчивается одно слово и начинается следующее? Детство в торговом городе, каким был Аземмур, привило мне любовь к языкам, и, да простится мне эта маленькая нескромность, определенную легкость в обращении с ними. Поэтому мне было любопытно узнать язык индейцев, хотя в нем и не было тех подсказок, которые помогали мне в изучении новых выражений: знакомых звуков, немногочисленных общих слов, похожих интонаций. Но, к моему удивлению, губернатор медленно кивнул, словно понимал индейцев в совершенстве и даже соглашался с ними.

Но все же он повторил вопрос:

— Где вы нашли это золото?

За его спиной в ожидании ответа застыли солдаты. В деревьях пели птицы, решительно оглашавшие округу трелями, несмотря на палящий зной. С пляжа доносился ласковый плеск волн, а в воздухе пахло дымом: кто-то уже развел костер, чтобы приготовить альму-эрсо — второй завтрак. Индейцы ответили губернатору так же, как и прежде. По крайней мере, я предположил, что они отвечали. Вполне вероятно, что они сами задавали ему вопрос, или вызывали его на поединок, или угрожали ему смертью, если он их не отпустит.

Губернатор вежливо выслушал их ответы, а потом обернулся к своему пажу.

— Запереть их в амбаре, — распорядился он. — И принести мне хлыст.

Сеньор Дорантес вернулся на свое место, и мне вновь пришлось последовать за ним. Никто из нас не обмолвился и словом. Я закончил стричь его, вручил небольшое зеркало, а другое поднес к его затылку. В этих расположенных напротив друг друга зеркалах я видел отражения нас обоих. Хозяин остался доволен стрижкой и одобрительно кивал, поворачивая лицо то так, то эдак. Его борода почти скрывала шрам на правой щеке — шрам, который он получил, как сам при мне рассказывал гостям на званом ужине, несколько лет назад в Кастилии, подавляя восстание против короля. Что касается меня, то годы рабства научили сохранять бесстрастное выражение лица, но в зеркале я заметил, что глаза мои выдают тревогу. Я убеждал себя, что всего лишь хотел поближе рассмотреть рыболовные сети, которыми пользовались индейцы. Я не искал золото. Но из-за камешка, который я нашел, эти четверо мужчин, четыре человека, не сделавшие мне ничего дурного, подвергнутся порке. Мне, как и моему хозяину, при-

шлось притворяться, что мы не слышим криков, которые начали доноситься из амбара. В считанные мгновения они перешли в вопли, такие протяжные и полные боли, что мне показалось, будто их эхо отдается в самой глубине моей души. А потом, прерываемая лишь ритмичными и ужасающими щелчками бича, наступила тишина.

Позднее, помогая сеньору Дорантесу надевать сапоги, я подслушал, как его младший брат Диего, тихий паренек лет шестнадцати или семнадцати, спросил у него о встрече губернатора с индейцами. Диего настолько не походил на сеньора Дорантеса, что меня удивляло, как они могли оказаться родными братьями. Если один из них был скромный и бесхитростный, то другой — смелый и коварный. Если один из них был очень избирателен в своей дружбе, то другой быстро поддавался как любви, так и ненависти. И все же Диего старался следовать примеру старшего брата во всем, в чем только мог. Он носил дублет с расстегнутой верхней пуговицей, а шлем сдвигал на затылок, словно усталый солдат. Он тоже пытался отпустить бороду, но пока на щеках виднелись лишь отдельные клочья волос.

— Брат, — спросил Диего, — когда дон Панфило успел выучить их язык? Он уже бывал во Флориде?

Сеньор Дорантес посмотрел на Диего с насмешкой, но, должно быть, счел его вопрос безобидным, потому что ответил сразу же:

— Нет, он здесь впервые, как и мы. Но у него большой опыт общения с дикарями. Он умеет заставить их понимать его достаточно хорошо, и редко бывает так, чтобы ему не удалось добыть нужные сведения.

Мне ответ показался бессмыслицей, но я хранил молчание, потому что знал, что хозяин будет недово-

лен, если знание губернатором индейского языка будет поставлено под вопрос. Старейшины учат нас: живой пес лучше мертвого льва.

— Но зачем ему их пороть? — продолжал расспрашивать Диего.

— Потому что индейцы — известные лжецы, — ответил сеньор Дорантес. — Возьмем этих четверых. Скорее всего, они — шпионы, посланные наблюдать за нами и доносить о наших передвижениях.

Постепенно, почти незаметно тон голоса моего хозяина изменился, из веселого превратившись в слегка раздраженный. Он встал и провел пальцем по верхнему краю сапог, чтобы убедиться, что брюки хорошо заправлены.

— Чтобы добиться правды, — сказал он. — Необходимо их выпороть.

Губернатор продолжал порку пленных, пока не удостоверился, что они выложили всю правду. Вооружившись ею, он тем же вечером созвал на совет всех офицеров. Они собрались в самой большой хижине деревни, напоминающей святилище, которое легко могло бы вместить сотню человек, но пригласили только дюжину самых важных людей: викарий, казначей, сборщик налогов, нотариус и капитаны, среди которых был и сеньор Дорантес. Деревянные статуи пантер с выкрашенными желтой краской глазами и с палицами в лапах вынесли отсюда раньше в тот же день вместе с тамбуринами, которые, как мне кажется, использовались в языческих ритуалах. Поэтому теперь святилище стояло пустым. Но мое внимание привлек потолок: он был украшен множеством перевернутых ракушек, которые отбрасывали на землю слабый отблеск.

Испанские офицеры по очереди занимали места на индейских табуретах, поставленных в круг. Паж губернатора накрыл длинную скамью белой скатертью и поставил по оба конца канделябры с зажженными свечами. Потом он подал ужин — жаренную на углях рыбу, отварной рис, солонину и свежие и сушеные фрукты из деревенского амбара. При виде пищи я ощутил голод, словно не ел несколько дней, но не мог притронуться к своему скромному пайку до окончания ужина.

Встав перед офицерами, сеньор Нарваэс объявил, что золотой камешек попал сюда из богатого царства, называвшегося Апалач. Это царство находилось в двух неделях перехода на север от деревни, и в его столице было множество золота, а также серебра, меди и других металлов. Вокруг города раскинулись возделанные поля кукурузы и бобов, за которыми ухаживало много людей, а рядом протекала река, полная разнообразной рыбы. Свидетельства индейцев, которые сеньор Альбанис записал по просьбе губернатора, убедили его, что царство Апалач не менее богато, чем земли Монтесумы.

Даже пушечный выстрел не смог бы произвести на собравшихся такого впечатления, как эта речь. Мне показалось, что все встретили слова губернатора с благоговейным трепетом. Должен признать, что я и сам открыл рот от удивления, потому что в Севилье слышал множество рассказов о богатстве императора, чей дворец был покрыт золотом и серебром. Возбуждение капитанов оказалось настолько заразительным, что я тоже предался мечтам. Я подумал: а что, если кастильцы завоюют это царство? Что, если сеньор Дорантес станет одним из богатейших людей в этой части империи? Меня охватила отчаянная надежда, что он

Литературно-художественное издание / Өдеби-көркем басылым

ЛАЙЛА ЛАЛАМИ
МЕМУАРЫ МАВРА

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Александр Александров
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Антонина Семенова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 18.02.2026.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 24,36. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,	ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)



R-TER-37537-01-R